

ИРИНА
ЧАЙКОВСКАЯ
Бостон

ВГЛЯДЕТЬСЯ В ПОСТУПЬ РОКА

Интервью с литературоведом
Руфью Борисовной Вальбе

Руфь Вальбе

ФОТО ИЗ АРХИВА Р.ВАЛЬБЕ

1. Корни

— Руфь Борисовна, многие подписчики нашего журнала, прочитавшие о выпущенном вами третьем номере писем и сочинений Ариадны Эфрон¹, просят побольше рассказать о вас и о книге. Давайте начнем с вас. Из какой вы семьи, какое получили образование, где жили. Как свели знакомство с Елизаветой Яковлевной Эфрон, тетей Ариадны.²

— Мой дед был мелким лавочником в местечке Шепетовка на Волыни. Отец, Борис Соломонович Вальбе, стал известным критиком, литературоведом. Его отец, мой дед, намеревался дать своим сыновьям религиозное образование, в хедере. Но отец влюбился в русскую литературу и в 1904 году 14-и лет отроду сбежал из дому в Варшаву. Устроился на квартире, стал давать какие-то уроки, интенсивно занимаясь самообразованием. Он стал редкостно образованным человеком, не имея даже законченного среднего образования. Очень рано начал печататься. С 1910 года был сотрудником «Одесского листка».

— Не знал ли он Чуковского, который также сотрудничал в одесских газетах?

— Он не был с ним знаком, но встречался со многими интересны-

ми людьми, например, с Семеном Ан-ским, автором знаменитой трагедии «Гадибук» («Дибук»), обошедшей все сцены мира, основанной на еврейских сказаниях...

— Деда вы видели?

— Он был так ни на кого не похож, что, увидев его в пятилетнем возрасте один раз, я до сих пор его отчетливо помню: маленький, в кипе, долгополом сюртуке, с огненно-черными глазами и огненно-черной бородой.

— При том, что был стар.

— Да, был уже стариком. Два его сына, вопреки его желанию, ушли и от религии, и от торговли. Мой отец ушел в русскую культуру.

— А второй сын?

— В еврейскую. Младший сын деда, Иоэль Вальбе, стал видным израильским композитором, его именем названа одна из улиц Тель-Авива.

— Ваш отец написал книгу о «Жизни Клима Самгина» Горького.

— Да, он рассекретил «прототипов» героев этого романа. Горький сам рекомендовал его в журнал «Литературная учеба»: «Вальбе — критик серьезный, умеющий читать книги».

— Вы родились в Ленинграде?

— Нет, в Одессе. Но в 1930 году наша семья переселилась в Ленинград. Во время блокады папа оста-

вался в городе с тяжелобольной матерью — ей сделали операцию (во время блокады! — И.Ч.) по поводу рака. А меня отправили в лагерь для детей писателей — в Краснокамск.

— Ну да, писателей и их детей эвакуировали на Каму, «писательская колония» располагалась в Чистополе. Елабуга, где повесилась Цветаева, тоже в тех краях.

— В Краснокамске были дети ведущих ленинградских писателей — Татка Чуковская (дочь Николая Чуковского, — И.Ч.), Наташа Каверина. В младшей группе был Миша Козаков, в малышовой — Алик, сын Юрия Германа, дочка Райкина... Мама моя в блокаду умерла, отец был тяжелым дистрофиком, лежал в стационаре, потом на самолете был вывезен в Москву. Оттуда он приехал за мной в Краснокамск. Я поступила в Московский университет — на филфак. Я была в это время одержима поэзией и художественным словом. А папа в молодости, в общежитии Дома ученых, познакомился со знаменитым впоследствии чтецом Дмитрием Журавлевым.

— Студенткой слушала его исполнение — замечательное — «Пиковой дамы» Пушкина. Недавно о нем как о своем учителе вспоминал Валентин Гафт.

— Папа, увидев его через 10 лет, в 1943 году, рассказал о своей «девочке», которая сходит с ума от театра, и предложил ее послушать. Дмитрий Николаевич увлекся моими «данными» и сказал, что мне необходимо познакомиться с его режиссером, Елизаветой Яковлевной Эфрон. Ее именем были подписаны все программы Журавлева.

2. Незабываемая встреча (Е. Я. Эфрон)

— К тому времени вы уже видели Дмитрия Журавлева на сцене?

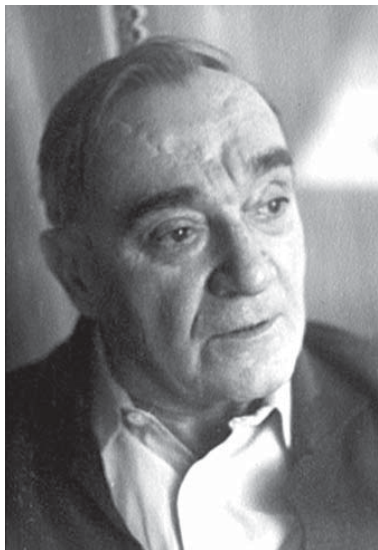
— В Москве в его исполнении я слушала «Смерть Пети Ростова» по «Воине и миру». Зал плакал. Он читал прекрасно, да и тема эта касалась всех.

— Ну да, аудитория времен войны...

— Я присутствовала при беспрецедентном явлении. Много ли раз вы видели, чтобы зал *весь* плакал?

— Пишут, что такое было на

Дмитрий Журавлев

премьере 5-й симфонии Шостаковича в годы Большого Террора. Люди оплакивали каждый свое горе, свою потерю...

— Это были такие исключительные впечатления. Перед приходом к Елизавете Яковлевне я ожидала, что увижу великолепную комнату, с паркетом, со стильной мебелью, с роялем, а в ней — ухоженную дамурежиссера... Но мы очутились в коммуналке, и комнатка Елизаветы Яковлевны оказалась прикухонной конуркой. Окно ее было в метре от стены противоположного дома, там было всегда темно. Войдя, я попала в темную прихожую и увидела нависающие над узким ложем полки с Брокгаузом и Ефроном. Я вошла в комнату — два ложа, метровый столик... А потом я обернулась — и увидела полулежащую высоко на подушках старую женщину.

— Уже тогда она была старая?

— Да, голова в ореоле седых волос. Я взглянула в ее глаза — и все перевернулось.

— Эти глаза эфроновские. Они были и у Али. Мне кажется, Аля похожа на Елизавету Яковлевну.

— И вот с этого момента вся моя жизнь до сегодняшнего дня связана с домом Эфроновым.

3. Какая она была

— Какая она была, Елизавета Яковлевна Эфрон?

— Она была человеком магнетическим. Ни один человек, встретив-

шийся с нею, — а я читала множество воспоминаний — не мог после знакомства с ней уйти таким же, каким был раньше. И небо, и земля, и улицы, когда я выходила из этого дома, показались мне совершенно другими. Мне она предложила читать отрывок из сказки «Снежная королева». Там есть такой персонаж — Старуха Поэзия. Я подумала: «Уж не потому ли она предложила мне читать это место, что она сама и есть Старуха Поэзия?»

— Интересно. В современных изданиях этой сказки Андерсена я что-то не встречала Старухи Поэзии. Может, вы говорите о пьесе Шварца?

Комната Елизаветы Яковлевны Эфрон

— Нет, нет, это Андерсен в старинном издании.

— А в новейших Старуху Поэзию изымают. У меня вопрос. Сколько в это время вам лет? Вы учитесь или уже работаете?

— Я пришла к Елизавете Яковлевне 31 августа 1943 года. Мне было 18 лет, и я только что поступила в Московский университет. О дальнейшем пишет Дмитрий Николаевич Журавлев в своей книге «Жизнь — искусство встречи». Если хотите, я покажу вам отрывок.

— Конечно.

— «...постепенно занятия (с Е.Я.Эфрон, — И.Ч.) перешли в дружбу. Руфь стала одним из самых близких друзей этого дома. Будучи

человеком незаурядным, талантливым, страшно любящим и великолепно знающим литературу, человеком определенного требовательного взгляда на искусство, Руфь работала как литературовед, параллельно занималась художественным чтением. С каждым годом участие ее в жизни Елизаветы Яковлевны и Зинаиды Митрофановны усиливалось. Наступила пора, когда Руфь, отказавшись от многого в своей жизни, посвятила ее целиком заботам о них, стареющих, угасающих... Обе они скончались на ее руках. Редко в жизни встречается такая преданная и самоотверженная любовь».

— Вам, наверное, было не до учебы...

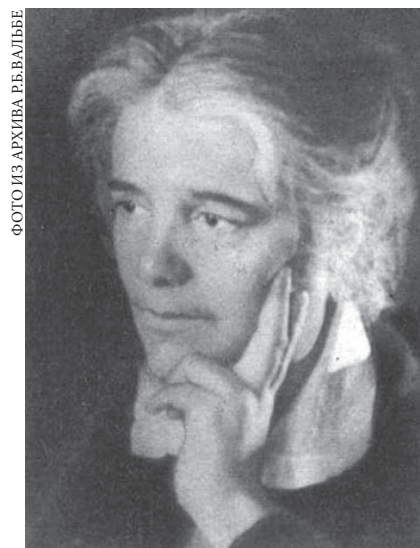
— Нет, я училась много и страстно. Но в те годы они (тетушки) были не так стары. Я бросила свой дом в Ленинграде (в 1947 году Р.Б. перевелась из Московского в Ленинградский университет, — И.Ч.) в 1966 году, когда узнала, что тяжело болеет Елизавета Яковлевна.

— Это, естественно, мешало и личной, и профессиональной вашей жизни.

— Порой я не то что заниматься профессиональной работой — на улицу не могла выйти.

— Я слышала, что Елизавета Яковлевна была инвалидом, все время лежала. Да и встретили вы ее в первый раз лежащей в постели.

— В той тесноте ей было удобнее заниматься полулежа. Да и сердце

Елизавета Яковлевна Эфрон

у нее было больное. В год нашего знакомства она вела занятия в Доме ученых на Кропоткинской (ныне Пречистенка). Тогда же она начала преподавать в Школе-студии при Театре Моссовета, руководимой Юрием Завадским, с которым они вместе ушли из Вахтанговской студии строить свой собственный театр.

— **Завадский — известный герой доэмиграционной московской жизни Цветаевой, красавец «Юрочка» из ее «Повести о Сонечке».**

— Он был не только прекрасным актером — играл принца Калафа в «Принцессе Турандот», Святого Антония, — но и режиссером талантливым. Он уцелел, но в последние годы, для того чтобы сохранить театр, вынужден был ставить пьесы Сурова и Софронова. А имена выпестованных им великолепных акте-

рует эту работу. Скоро выйдет его передача об Иннокентии Анненском.

- Сколько же ему лет?
- Восемьдесят.
- Он до сих пор в форме?

Анатолий Адоскин

— Поет Пилата в мюзикле «Иисус Христос — суперзвезда».

— **Завидное актерское долголетие!**

— Анатолий Адоскин выступал на моей презентации книги Ариадны Эфрон в музее Марины Цветаевой.

— **Но мы отвлеклись. Мы остановились на том, что Елизавета Яковлевна занималась с учениками полулежа. Это мне напоминает ее современниц: Надежда Мандельштам все время лежала, Ахматова в какие-то годы тоже лежала. Стресс, страх, недомогания и, как в случае с Елизаветой Яковлевной, — размеры «жилплощади» загоняли людей в постель.**

— К ней, в эту каморку, приходили студийцы. Я не понимаю, как они могли размещаться на постели и нескольких стульях в крошечной комнатенке — это была большая группа, человек десять. Учеником Елизаветы Яковлевны был также Анатолий Эфрос. Он учился на том же курсе, что и Анатолий Адоскин. Они были друзьями.

— **Рано Эфрос ушел, затравленный...**

— Завадский понял, что Эфрос — великолепный театральный интеллект и перевел его в ГИТИС на режиссерский факультет.

— **Да, приятно иметь учеником Анатолия Эфроса, но и он, вероятно, был горд, что учился у Елизаветы Яковлевны Эфрон.**

4. Из биографии Руфи Вальбе

— **Продолжим о вас. До того, как вы перебрались в Москву и посвятили себя заботам о Елизавете Яковлевне Эфрон и ее приятельнице, как складывалась ваша судьба?**

— В 1949 году арестовали моего отца. Я была студенткой последнего курса заочного отделения филфака ЛГУ. И меня никуда не брали на работу. Даже на завод — не брали. Уходила я с утра и до 4-х ходила, искала работу. Люди были нужны. Мне говорили: да, нам нужны такие — молодые, энергичные...

— **А потом смотрели в документы — и энтузиазм пропал. Мне это знакомо: в начале 80-х, уже защитив диссертацию, я тоже не могла устроиться даже в ПТУ — мешала «инвалидность» по пятому пункту.**

— А я была дочкой «врага народа». Читали мою анкету и говорили: придите месяца через два. Я стала падать в обмороки. Знала, что меня ждет. Приходила, бодро улыбалась — и падала в обморок. Нужно было жить. Я соглашалась на «негритянскую» работу. Был такой литературовед — Мануйлов.

— **Знаю, лермонтовед известный.**

— Да будет ему земля пухом — он иногда давал мне «негритянскую» работу, какие-то крохи я получала. Сдавала кровь, чтобы как-то существовать. Но главное: хлопотала за отца — перед Фадеевым, перед Павленко, перед Тихоновым. На Павленко я надеялась. Его тестя, Тренива, автора известной пьесы «Любовь Яровая», ввел в литературу мой отец, он сочувственно писал о нем еще в «Одесском листке».

— **Но Павленко, как все вспоминают, был отвратителен. Он, конечно, вам не помог.**

— Не помог, был отвратителен. Его сотрудник, Станислав Радзинский, отец нынешнего драматурга, говорил мне, что Павленко на крымской даче Сталина «часто пьет чай с усатым батшкой» и что он, конечно, может помочь, но вот поможет ли...

Юрий Завадский

ров Марецкой и Плятта неизменно украшали афиши этих спектаклей.

— **Тяжелая цена, заплаченная за возможность творить и делать что-то еще, кроме этих бездарных опусов. Елизавета Яковлевна преподавала у Завадского «художественное слово?»**

— Да, у нее в студии было много талантливых учеников, например, Анатолий Адоскин.

— **Адоскин — ее ученик?! В детстве я воспитывалась на его пушкинских программах на ТВ.**

— Ими восхищались Раневская и Уланова. Елизавета Яковлевна не просто помогала делать эти программы — она стояла у их истоков. Сейчас Анатолий Адоскин продол-

Я не поняла тогда, почему он хмыкнул...

— Вы, как Мармеладов у Достоевского, шли «просить займы безнадежно».

— Та же история была с Тихоновым. Я пришла в его огромную квартиру, уставленную витринами с точными фигурками из нефрита, и спросила, получил ли он письмо от моего отца. Знаете, что он ответил? — Борис Соломонович так пишет, что я оказываюсь его поделчиком: «Мы с вами вместе работали». Они действительно работали вместе в ленинградских журналах.

— **Фадеев тоже не помог?**

— Он оказался наиболее совестливым. Когда я к нему вошла, он весь покрылся красными пятнами и произнес: «Что же я могу? Я писал. Пришел ответ отрицательный».

Потом я случайно встретила его секретаршу — на трамвайной остановке, — она меня узнала и даже вспомнила, что он сказал после моего ухода: «Тяжело, когда приходит к тебе правдивая юность, смотреть ей в глаза».

5. Судьба Бориса Вальбе

— Вы рассказывали, что ездили к отцу в пересыльную тюрьму в Киров.

— Я его не узнала. Он был неузнаваем.

— **Он... вернулся?**

— В 1955 году. После лагеря он, инвалид, должен был поселиться на 101-м километре. Но он сказал: «Я никуда не поеду». Каждое утро к нам приходил участковый. Я выпускала папу через черный ход, и сама встречала милиционера в соблазнительном халатике. Он шалел от выреза. А потом началось «дело о реабилитации», и те, кто на папу доносил, стали говорить, что он ничего такого не делал.

— **Это тогда вы пошли в ленинградский Союз писателей?**

— Подала записку, что прошу о выступлении. Александр Прокофьев, ведший собрание, подумал, что это отец, и дал слово «Вальбе». Я вышла и спросила, считает ли руководство Союза возможным, чтобы в зале рядом сидели жертвы сталинского террора и те, кто их оклеветал. Я назвала имена двух провокаторов,

тут же сидевших, — Дружинина и Морозова.

Прокофьев: «Это дело не наше, а Прокуратуры». Я отвечала: «Речь идет не об уголовной ответственности, а о моральной». Собрание замерло. А после меня вызвал к себе секретарь парторганизации и сказал: «Чего вы хотите? Если бы мы от-

бралась в Москву. И тут наступила пауза в моей профессиональной жизни. В течение 10 лет я только «теряла» свой рабочий стаж. Но этот путь я выбрала сама.

6. Об Але

— **Ариадна Эфрон не могла ухаживать за тетками из-за болезни сердца?**

— Ей уже лагерный врач говорил — тогда она была еще молодая, — что нельзя иметь *такое* сердце в *таком* возрасте. А когда арестовали Ирочку Емельянову³ — она ее очень любила и безумно переживала этот арест — у нее начались страшные гипертонические кризы. Она теряла сознание на улице. Потом у нее возникло какое-то заболевание ног — мы боялись, что это никотиновая гангрена. Аля не желала обращаться к врачам. В последний раз мы виделись с нею 5 мая 1975 года. Весь год она так плохо себя чув-

ствовала, что не могла приехать к Елизавете Яковлевне. А тут приехала проститься — перед отъездом в Тарусу, где она всегда жила с весны до поздней осени. Когда я пошла ее провожать, она согнулась от боли, у нее болело сердце. Я усадила ее в такси, нельзя было подумать, что в таком состоянии она уедет в Тарусу. Но она уехала. В комментариях к книге я написала, что Аля скончалась в тарусской больнице от «множественных инфарктов». Но моя приятельница, медик и цветаевед, меня поправила: «от обширного инфаркта». Так как она не обращалась к врачам, обширный инфаркт не был

Отец Руфи Вальбе — Борис Вальбе (из следственного дела).
Справа — дед, Соломон Вальбе

деляли овец от козлиц, в этом зале не осталось бы и трети присутствующих».

— **Что случилось с «провокаторами»?**

— Сделали карьеру: Дружинин возглавлял группы писателей, отправлявшихся за границу, а Морозов вскоре после ареста отца получил Сталинскую премию.

— **В чем обвиняли вашего отца?**

— Чего только ему ни приписывали — и убийство Кирова, и членство в Еврейском антифашистском комитете... Читая его следственное дело, я поражаюсь его мужеству — ему ведь было уже 60 лет. Так была взволнована прочитанным, что мне стало плохо, и меня увезли в больницу.

— **Сколько отец прожил после возвращения?**

— Прожил 11 лет, до 1966 года. К этому времени я работала в ленинградской «Библиотеке поэта». Выпустила там две книги. Но заболела Елизавета Яковлевна, ее подруга Зинаида Митрофановна Ширкевич тоже была совершенно беспомощна. Двое лежачих больных. Аля уже не могла за ними ухаживать. Я пере-

диагностирован.

— Она умерла в возрасте неполных 63 лет.

— Ариадна умерла прежде «тетушек», в 1975 году. В феврале 1976 года не стало Елизаветы Яковлевны и через восемь месяцев — Зинаиды Митрофановны. Еще при жизни Зинаиды Митрофановны я сложила

Ариадна Эфрон.

все Алины письма и поняла, что их должны прочитать люди.

Эфроны — удивительно целомудренны душевно, они противники публикации писем. Но я сочла себя вправе нарушить этот запрет. Понимаете? Вот вы написали, что письма эти читать больно. Конечно. Но у них есть и душевноподъемное действие. Жизнестойкость Ариадны, ее юмор, умение радоваться малости — «душа радуется каждому просвету в небе» — все это помогает людям жить⁴.

7. О порядчности

— Вы говорили, что какое-то издательство украло у вас книгу. Какую?

— Вот эту самую, трехтомник Ариадны Эфрон. Она вышла под тремя псевдонимами. Рукопись той книги, которая сейчас выпущена издательством «Возвращение», я сдала первоначально в издательство «Грифон». Они сделали ксерокс книги, а потом под каким-то формальным предлогом расторгли со мной договор. И вот редактор издательства

«Грифон» Л. И. Лебедева издала мою книгу под тремя вымышленными именами.

— Что ее могло на это подвигнуть? Деньги?

— Для меня это загадка. Она опытный и востребованный редактор. Не могу себе представить, что только те 480 тысяч, которые она получила от продажи 1000 экземпляров книги, заставили ее совершить такой позорный поступок. Два года тому назад я подала иск в Басманную Прокуратуру, и до сих пор она не дала мне никакого ответа. Представляете?

— Представляю. Что такое печально знаменитое «басманное правосудие», хорошо представляю. Так за вас никто и не вступился?

— За меня вступились литераторы: Азадовский, Лавров, Ганелин, Мариэтта Чудакова и Яков Гордин. За их подписями в «Литературном обозрении» за 2007 год появилось письмо в редакцию «Поймать вора». В «Неве» была публикация Кавторина «Осторожно: краденое». В «Московских новостях» об этом же писал Андрей Турков. Мне помогла не юстиция, а «круговая порука добра».

— У меня к вам вопрос, не связанный с этим воровством. Вы были «нареченной дочерью» Елизаветы Яковлевны Эфрон, верно?

— Так меня Елизавета Яковлевна назвала в черновике завещания.

— Она оставила вам все рукописи, весь свой архив? Там ведь были письма, рисунки, фотографии Марины Цветаевой, Сергея Эфрона, Ариадны...

— Завещания не было, она его не дописала... Но все что после нее осталось, до трех тысяч документов, я сдала в Архив Литературы и Искусства.

— В РГАЛИ?

— Да.

— Безвозмездно?

— Конечно.

— Все, на сегодня хватит. У нас еще много вопросов от читателей, желающих побольше узнать о «героях» трехтомника — Ариадне Эфрон, Анастасии Цветаевой, Сергее Эфроне, Муре (Георгии Эфроне) и Самуиле Гуревиче (Муле). Но давайте о них в следующий раз. Будьте здоровы!

Москва — Бостон

Использованы фотографии из архива Руфи Борисовны Вальбе

¹ Ариадна Эфрон. История жизни, история души. В трех томах. М., Возвращение, 2008, сост. Р. Б. Вальбе (См. мою статью «Спасаясь от Митрофанов», «Чайка» №№ 11-12, июнь 2009).

² Елизавета Яковлевна Эфрон (1885-1976), сестра Сергея Эфрона - мужа Марины Цветаевой.

³ Дочь Ольги Ивинской, арестованная вместе с матерью после смерти Пастернака в 1960 году.

⁴ Ниже мы публикуем стихотворный отклик на трехтомник Ариадны Эфрон поэтессы Елены Невзглядовой, сумевшей выразить это «душевноподъемное действие» книги.

✱

Елена Невзглядова (Ст.-Петербург)

Я живу в Туруханске, куда завела меня нить
Ариадны Эфрон, ее письма читаю оттуда.
Я умею колоть, штукатурить умею, белить,
Всё зима и зима, ледоход - долгожданное чудо.

Здесь природа всегда так нахмурена, раздражена,
Неустойчивый женский характер и гнева раскаты.
На полу ледяном, на коленях, как в церкви, одна
Я рисую им лозунги праздничные и плакаты.

Сонмы мелких, ненужных работ и докучных забот
Отнимают меня от меня, и я мучусь вином,
Что бесхитростный быт заслоняет мне

весь небосвод,
Вечной ночью полярной раскрытый
шатром надо мною.

И старею, ссыхаюсь, как вложенный в книгу цветок,
В уголовный и в процессуальный

заложенный кодекс.
Из всего можно вынести, если не пользу — урок
Утешительный, по Аристотелю, — элеос, фобос.

Боже мой, я бы так не могла, я бы так не могла!
Умерла б от разлуки и не протянула б недели.
Сколько надобно сил, чтобы вынести...

Вечная мгла
И горчайшие мысли о жизни в холодной постели.

Мне подруга в имейле из Флориды пишет: на корт
Убегаю, спешу, напишу поподробнее завтра,
И нарядное фото вдогонку к записочке шлет —
Берег с пальмой на пляже и книжка
(не вижу, кто автор).

Жизнь, ты что же такое, о, не отпирайся, скажи!
Как смириться с твоей непонятной,
незрелой затеей?

Неразумной, слепой, без учета отдельной души...
Замерев над письмом, вопрошаю, дрожа, холодея.

